

Первое пятилетие Хрущева

Этой осенью отец подводил итог личной пятилетки реформ 1953–1958 годов. Результаты обнадеживали, страна постепенно разворачивалась к лучшей, пусть пока не изобильной, но уже не голодной жизни. Промышленность прирастала ежегодно на 8 – 10 процентов. Как бы мы критически не относились к советской статистике (я бы сказал, к любой статистике), но и самые заядлые пессимисты подтверждали весьма заметный рост экономики. Даже в донесениях ЦРУ президенту США Эйзенхауэру аналитики прогнозировали, что если в будущем СССР продолжит политику реформ, то к концу XX века советская экономика втрое превзойдет американскую, и уже им придется догонять Советский Союз. Сейчас об этом документе предпочитают не вспоминать ни в США, ни в постсоветской России.

Можно бесконечно рассуждать о соответствии цифр в статистических отчетах действительности.

Например, по мнению Белкина, совпадающему с постсоветскими выводами НИИ Госкомитета Российской Федерации, рост промышленной продукции СССР за 1960–1980 годы тогда завысили в два раза. (См. «Вестник статистики», 1992, № 4.) А вот другое мнение: начальник российских статистиков Б. Кириченко в ельцинские времена писал о шестикратном завышении темпов роста. У еще более лихих критиков советской системы оно выходило даже тринадцатикратным. («Вестник статистики», 1992, № 4 и «Экономика и математические методы», 1990, № 5.) Последние цифры, без сомнения, политически мотивированы, тогда стало модно ругать все советское. Но это все схоластические рассуждения, а в природе, в том числе и человеческой, имеется единственный неоспоримый критерий качества жизни – это сама жизнь. Об улучшении жизни свидетельствует прирост населения и увеличение продолжительности жизни. При среднем приросте населения СССР за 1950–1965 годы в 3,3 миллиона человек, в 1958 году зафиксирован скачок до 3,9 миллиона.

Продолжительность жизни увеличилась до 69 лет, по сравнению с 47 годами в 1938 году и 67 годами в 1956 году.

Правда, шестая пятилетка так и не сложилась, на нее пришлось махнуть рукой, заменить семилеткой. Но отец не особенно огорчился, за прошедшие годы многое переоценено, возникли новые приоритеты, в первую очередь – химия. Так что нет худа без добра.

Переход к совнархозам заметно оживил экономику, но и породил новые проблемы. Не успели демонтировать ведомственные барьеры, как на их руинах начали возводиться барьеры региональные. Совнархоз норовил отгородиться стеной от соседей, брать, что только можно, а свое, если удастся, попридержать. Отец называл такое поведение антипартийным. Он уповал на Госплан, его дело следить за соблюдением общего – государственных интересов.

1958 год на селе закончился неплохо. За 1953–1958 годы посевные площади, включая целину, возросли на 17 процентов, валовый урожай зерна увеличился на 69 процентов. В 1958 году собрали более восьми с половиной миллиардов пудов зерна (134,7 миллиона тонн). Именно эту цифру назвал осенью 1952 года на XIX съезде Маленков, утверждая, что таким образом зерновая проблема решена. Но тогда речь шла о «биологическом», гипотетическом урожае (я уже писал об этой методике подсчета колосков на одной делянке в метр на метр и затем пересчете результата на миллионы гектаров.) Сейчас же засчитывалось зерно, заложенное в элеваторы. Отец очень гордился тем, что ему удалось перевести урожай из «биологического» в «амбарное исчисление». В результате заготовки в среднем выросли на 84 процента. В 1958 году они достигли 3 миллиардов 495 миллионов пудов (56,6 миллионов тонн) и наконец-то превысили годовой расход зерна в 50 миллионов тонн на все нужды: выпечку хлеба, корм скоту, подкормку союзников, производство спирта.

В 1958 году в госрезерв заложили 11,2 миллиона тонн зерна, почти в 2,5 раза больше, чем в прошлом году.

58 процентов прироста заготовок зерна обеспечила целина. За истекшие четыре года она полностью себя окупила и начала давать прибыль. Итог получился с плюсом в 18 миллиардов рублей.

Целинным хлебом отец гордился особо, той особой гордостью расчетливого дельца, рискнувшего своими капиталами и выигравшего. Свои расчеты отец сначала привел в докладе Пленуму, а затем рассказывал о целинном триумфе всем желавшим слушать: гостям за воскресным обеденным столом, нам, детям, во время очередной прогулки на даче. Отцу так хотелось, чтобы все разделили его радость. И мы искренне радовались.

В последующие годы я слышал и обратное: эмоциональные, без конкретных цифр, рассуждения об убыточности, провале целины. Не берусь судить, но думаю, окажись целина убыточной, она давно бы не кормила нынешнюю, рыночную, капиталистическую Россию, а капиталистический Казахстан не торговал бы пшеницей по всему миру.

В докладе на Пленуме отец отметил и рост урожайности, правда, небольшой, 11,1 центнера зерна с гектара (7,8 центнера – в 1953 году). Однако без удобрений урожайность целином определялась погодой, скакала год от года на полтора-два центнера.

В 1958 году отец заговорил о смене ориентиров, заявил на Пленуме, что «борьба» за целину теперь уже наше прошлое, экстенсивное сельское хозяйство тоже уходит в историю, надо поднимать культуру производства, интенсифицировать его, «в течение ближайших двух-трех лет... ввести правильные севообороты с необходимым количеством черных паров, имеющих важное значение в засушливой зоне... Пора подумать про удобрения под зерновые... занять больше скота. Будет больше скота, будет больше навоза, будет выше урожайность».

Сегодня такой способ ведения сельского хозяйства мы называем экологически чистым. С каждым годом он обретает все больше сторонников. В 1958 году подобных слов не слы-

хивали, химические, нормальные по нашим понятиям, удобрения считались дефицитом, вот корова и выручала. Отец шутил, что корова не только молочница, но и навозница, навоз позволит продержаться ближайшие годы, пока страна не разбогатеет и не понастроит заводов химических удобрений, азотных, фосфорных и всяких других. Отец в них разбирался не хуже профессионала-агронома, объяснял мне, чем нитрофоска предпочтительнее нитрата аммония (я до сих пор не понял, а может, и названия перепутал). Однако пока приходилось обходиться и без нитрофоски, и без нитрата аммония. Пока...

Далее отец перешел к животноводству. Шестилетний план увеличения надоя молока выполнили за три года, в 1958 году молока в среднем по стране надоили на 58 процентов больше, чем в 1953 году, а по колхозам и совхозам в 2,3 раза больше. Заготовки молока увеличились более чем два раза, мяса – на 62 процента, яиц – на 76 процентов, шерсти – на 60 процентов. Колхозы с совхозами и тут впереди. Они сдали государству 84 процента мяса, 89 процентов молока, 57 процентов яиц и 90 процентов шерсти. Оно и понятно, от участия в госпоставках частников постепенно освобождали, свою продукцию они реализовывали на рынках сами, по свободным ценам. В отчетность госпоставок «рыночные» продукты не включались, они, как бы выпадали из общей статистики, тогда как, по мнению некоторых аграриев на их долю приходилась львиная доля реального производства овощей, мяса, молока, яиц. Трудно сказать, чьи цифры ближе к истине.

Затем отец привычно сравнил наши достижения с тем, что происходило в США. Американские показатели оставались для него эталоном, по которому он настраивал советское сельское хозяйство. За пять лет мы увеличивали производство мяса на 6,2 процента в год, а они всего на 1,3 процента, по яйцу мы росли на 7,9 процента в год, а они практически стояли на месте.

Возможно, им больше и не требовалось, они уже свои потребности удовлетворили, но на такие мелочи тогда никто внимания не обращал, все пребывали в победной эйфории. Казалось, стоит чуть поднажать и США останутся позади. Так-то оно так, но и не совсем так, отец отдавал себе отчет, что работаем мы неэффективно, наши затраты на производство одной тонны зерна в 7,3 раза выше, чем в США, а по расходу кормов на привес одного килограмма мяса коров и свиней мы их «обгоняем», соответственно, в 14,2 и в 16,3 раза. «Без интенсификации труда нечего и мечтать сравняться с Америкой», – заключает он.

Отец полагал, что американские технологии, такие, как уже упоминавшаяся, доильная «елочка», позволят совершить прорыв. Он уповал на закупку машин, рецептур кормов, технологий их производства. До сего времени мы копировали, попадавшие в наши руки образцы, но «американских» или «немецких» результатов добиться не удавалось. Только в начале 1960-х годов, когда от «копирования» рецептуры перешли к закупке лицензий, удалось сократить отставание от Запада в эффективности животноводства с пятнадцати до двух-трех раз. Но догнать их, я уже не говорю обогнать, так и не получилось.

В докладе отец, уже в который раз, возвращается к судьбе личных хозяйств и личного скота. В страду, посевную и уборочную, колхозники и совхозники разрываются между своим личным подворьем и общественным, колхозным полем. К тому же продолжают откармливать свой скот магазинным хлебом.

«Вместо того чтобы кормить людей, мы кормим свиней! – восклицает отец. – Можно, конечно, поднять цены на хлеб, так чтобы сделать его скармливание животным невыгодным, но поднимать цены политически неверно, это затронет интересы трудящихся. Однако нельзя и оставаться равнодушным». Отец задавал себе этот вопрос и в 1954 году, и в 1955-м, и в 1956-м, но так и не смог отыскать ответа.

Крестьяне не чувствовали, что колхозное поле их прокормит, а молоко с мясом выгоднее покупать в магазине. А именно на это рассчитывал отец, когда призывал сосредоточиться на профильном для данного хозяйства производстве, сделать его максимально выгодным,

в том числе и крестьянам, труд которых оплачивался бы так, чтобы им не приходилось бы заботиться о пропитании с собственного подворья. Крестьяне не то чтобы с ним не соглашались, но не видели подтверждения его слов в реалиях собственной жизни. Раз так, то все слова, даже самые благие, уходили на ветер. Требовалось или претворение слов в реальность, или «принимать меры». Иначе «хлебная проблема» не разрешится никогда. Принимать меры отец не «созрел». Он надеялся, что все постепенно образуется. Определенные основания к тому у него имелись. Жизнь крестьян за последние пять лет заметно улучшилась, в колхозах стали платить за трудодни.

Денежные доходы крестьян, в сравнении с 1953 годом, возросли в 2,8 раза, они потребляли теперь за год в два раза больше мяса, в 4,4 раза больше сахара, в 3 раза больше рыбы, в 2,5 раза покупали больше одежды и обуви, в 10 раз больше книг и мотоциклов.

Все это правда, но правда недостаточная, чтобы крестьянин поверил, ведь рост в процентах отсчитывался практически с нуля. В 1953 году за трудодень платили доли старой копейки, а чаще ограничивались проставлением «палочек» в ведомости выхода на работу. Люди жили впроголодь, книги покупали разве что учитель, да фельдшер, а мотоцикл считался недостижимой роскошью. Отец говорил об этом в сентябре 1953 года и сейчас не забыл. Не забыл, но рост в «разы» для него как бальзам на душу, и так хотелось верить, что «еще немного, еще чуть-чуть...» Пока же действительно получалось «чуть-чуть». Внушительный прирост производства зерна, молока, мяса, масла тут же и потреблялся растущим населением. Росла покупательная способность населения, и чем больше производилось, тем сильнее ощущался «голод на всё» и на селе, и в городах.

В 1958 году достигла своего пика кампания преобразования колхозов в совхозы. Началась она давно и имела под собой как идеологическую, так и чисто практическую подоплеку. В полном соответствии с марксистской теорией кооперативная собственность повышалась в разряде до общегосударственной. Сейчас эта казуистика звучит странновато, а тогда даже я, ракетчик, такому «прогрессивному процессу» искренне радовался.

Колхозники «осовхозниванию» не противились, но не из идеологических, а из абсолютно прагматических соображений. «Совхозникам» платили зарплату независимо от успехов или провалов самого совхоза, а доходы колхозников напрямую зависели от эффективности их собственного труда, от трезвости и других личных качеств председателя и от погоды. По трудодням распределяли только то, что оставалось после обязательных поставок государству, возвращения банковских ссуд и долгов. Доходы колхозников еле дотягивали до половины того, что получали «совхозники».

Когда «идеологически правильное преобразование видов собственности» стало массовым, финансисты забились тревогу: денег на всех не хватит. Процесс «осовхознивания» начали под тормаживать и вскоре совсем остановили. Теоретики разъяснили, что, хотя «совхозы и высшая форма социалистического сельского хозяйства, но имеются положительные стороны и в колхозной организации хозяйства». В результате те, кто не успел «преобразоваться», так и остались в колхозах.

В 1953–1954 годах приоритет отдавался производству зерна. Теперь, когда в городах очереди за хлебом рассосались, в магазинах появилось молоко и другие продукты, на первый план вышла овощная проблема. Привозить издалека помидоры, огурцы и другие деликатесные дары природы тогда не умели. Автомобильные и железнодорожные вагоны-рефрижераторы только проектировались, а в раскаленных летним солнцем кузовах грузовиков овощи быстро превращались в несъедобное месиво. Выход отцу виделся один: создание вокруг городов собственного овощеводства. Этим он занимался после войны в Киеве, а затем в начале пятидесятых в Москве. В 1958 году выращиванию овощей придали общегосударственное значение, однако в обществе продолжала доминировать установка голодных сталинских десятилетий, овощи, кроме картошки, считались деликатесом, обузой для

основного производства. Колхозам и совхозам, в том числе пригородным, по-прежнему спускалась разрядка на сдачу зерна: ржи, ячменя, овса. Теперь ставилась задача создания условий для нормального потребления, производства необходимых не только для выживания продуктов, а всего того, что требуется для достойного существования человека.

С этой целью отец предложил освободить от поставок зерна малорентабельные и совсем нерентабельные в этом смысле хозяйства Нечерноземья. Им предоставили свободу выбора. Теперь они сами решали, что возделывать. По логике нормального хозяйствования, как считал отец, колхозники используют земли под что-либо более доходное. А что может быть доходнее овощей, если город под боком? Не занялись. Забросили земли, забыли о них, и они заросли бурьяном. Еще вчера аккуратно расчерченные на квадраты поля, в полном согласии с законом природы о нарастании энтропии, превращались в кочковатые заросли кустарника и неудобья.

Пришлось вмешиваться, выпустили правительственное постановление, предписывавшее создавать вблизи больших городов специализированные совхозы по выращиванию овощей и картофеля. В постановлении разъяснялось, что дело это очень выгодное, потребитель под боком, деньги в совхозные и колхозные бюджеты рекой текут, и на Западе все так делают. Дело чуть оживилось, на городских лотках появились овощи, но по-настоящему проблема не разрешилась. Победить энтропию не удалось, она только чуть-чуть отступила в ожидании, когда эффект от вмешательства извне сойдет на нет.

А вот еще один пример торжества энтропии. На Пленуме, в заключительном слове, отец сетовал, что в регионах к кукурузе относятся как к капризу, навязанной сверху обязательке. Ее не возделывают, а только формально отчитываются.

«В текущем году в нашей стране посеяно 19,7 миллионов гектаров кукурузы... На так называемый зеленый корм использовали 5,7 миллиона гектаров посевов кукурузы, или 29 процентов. Что такое этот «зеленый корм?» Это погибшая кукуруза. Ее посеяли, не обрабатывали, кукуруза заросла лебедой и чертополохом. Неудобно сказать, что посевы погубили, вот и отчитываются, что она пошла на скормливание из-под копыт, то есть скот съел ее на корню до образования початков, по существу на сено пустили еще 5,9 миллиона гектаров, или 30 процентов посевов кукурузы. Если убирать кукурузу до образования початков, то вы получите много воды и мало питательных веществ. Это бесхозяйственное отношение, если не сказать больше», – возмущался отец. Слушатели охотно соглашались, что так поступать нехорошо, но поступали по-своему.

Отец надеялся, что общество, освободившееся от сталинской деспотии, изменится. И оно действительно изменилось, только не так, как он ожидал. Местные начальники, те, кого отец видел своими союзниками, осознали, что они в безопасности, никто их больше не расстреляет и не посадит, и приспособились. На призывы они обращали все меньше внимания, хотя на пленумах и совещаниях исправно аплодировали, регулярно отчитывались в выполнении заданий и планов. Отец взывал к здравому смыслу, к сознательности. Не срабатывало. Справляться с ними становилось все труднее. Отвергнув «страх», державший до того времени их в узде, отец должен был отыскать иной способ обуздания энтропии. Совнархозная реформа дала некоторые положительные сдвиги, но для продвижения вперед, развития успеха требовалось нечто большее. Что – отец пока не знал и сам.

В 1958 году на декабрьском Пленуме отец продолжает поиск, он вновь, но уже более настойчиво говорит о конкуренции, пригрозил, что те, кто не научатся работать с прибылью, в недалеком будущем просто не выживут. Как он на практике собирался внедрять в централизованную экономику подобные взаимоотношения и что делать с теми, кто не научится, отец пока ответить не мог. Однако важно уже то, что такие мысли появились, и отец их обнародовал. Выступлением на декабрьском (1958 года) Пленуме ЦК КПСС, отец как бы подвел итог преобразованиям в экономике, сельском хозяйстве, промышленности, первому

и, как ему тогда представлялось, основному этапу реформ. Конечно, еще многое требовалось доделать и переделать, особенно в сфере законодательства. Реформы вообще никогда не заканчиваются, общество изменяется, непрерывно приспосабливаясь к новым условиям существования. Иначе оно обрекает себя на гибель.